

ЮРИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ КНОРОЗОВ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ СЕРЕДИНЫ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

Д.Д. Беляев

Дмитрий Дмитриевич Беляев | <http://orcid.org/0000-0002-6609-2302> | lakamha@mail.ru | к.и.н., доцент | Российский государственный гуманитарный университет (Миусская пл. 6, Москва, ГСП-3, 125267, Россия) | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия) | Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики” (Покровский бульвар 11, Москва, 109028, Россия)

Ключевые слова

история антропологии, Ю.В. Кнорозов, советская этнография, американистика, древние майя, этнографическая теория, этническая семиотика

Аннотация

В статье рассматриваются взгляды Юрия Валентиновича Кнорозова (1922–1999) на теоретические проблемы этнографии в контексте развития советской этнографической науки. В конце 1940-х годов на становление Кнорозова как ученого оказали существенное влияние С.П. Толстов и С.А. Токарев: вероятно, в русле идей С.П. Толстова им была подготовлена несохранившаяся теоретическая работа о происхождении экзогамии; интерес Кнорозова к шаманизму и тайным общества также находит параллели в работах С.П. Толстова. Одновременно Кнорозовым разрабатывалась оригинальная концепция эволюции календаря в связи с дуально-родовой организацией первобытного общества и ее пережитками в раннеклассовую эпоху. В 1960-е годы Кнорозов отходит от этнографической проблематики и сближается с лингвистами и специалистами по кибернетике, занимаясь разработкой теории сигнализации и общими проблемами теории дешифровки. В начале 1970-х годов он возвращается к этнографической проблематике на новом уровне, исследуя тему связи календаря, религии и пережитков племенной дуально-фратриальной организации у древних майя. Концепция этнической семиотики, предложенная Кнорозовым в конце 1970-х годов, может рассматриваться как альтернатива советской теории этноса, разрабатываемой в это время под руководством Ю.В. Бромлея.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 23-18-01091]

Статья поступила 17.06.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 01.09.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Беляев Д.Д. Юрий Валентинович Кнорозов в контексте советской этнографической науки середины – второй половины XX в. // Этнографическое обозрение. 2023. № 5. С. 10–24. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050020> EDN: YAZADS

Beliaev, D.D. 2023. Yurii Valentinovich Knorozov v kontekste sovetskoi etnograficheskoi nauki serediny – vtoroi poloviny XX v. [Yurii Valentinovich Knorozov in the Context of the Soviet Ethnographic Science of the Mid and Late Twentieth Century]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 10–24. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050020> EDN: YAZADS

В ноябре 2022 г. российская наука отметила 100-летие со дня рождения Юрия Валентиновича Кнорозова (1922–1999). Важность этого юбилея для российского общества подчеркивает тот факт, что Президентом Российской Федерации был подписан Указ от 1 июля 2022 г. № 419 “Об увековечении памяти Ю.В. Кнорозова и праздновании 100-летия со дня его рождения” (Об увековечении 2022). В преддверии этой даты в Санкт-Петербурге и Москве были изданы избранные труды ученого (Кнорозов 2018, 2022) и его обстоятельная биография (Ершова 2019). Помимо этого, московскими и петербургскими исследователями было опубликовано большое число работ, в которых рассматривались отдельные аспекты личной и интеллектуальной биографии Ю.В. Кнорозова – был введен в оборот большой объем архивных источников (Долгова 2019, 2022; Долгова, Ершова 2022; Ершова, Долгова 2018; Корсун 2019; Тугорский и др. 2022).

Из обширного научного наследия Ю.В. Кнорозова наиболее известны его достижения в области дешифровки древних письменностей, прежде всего иероглифики майя, освещенные как в научных работах, так и в научно-популярной литературе. В зарубежной историографии Кнорозов признан в первую очередь как майянист (Ко 2021). В работах Г.Г. Ершовой подчеркивается принципиальная междисциплинарность работ Кнорозова, который в своих исследованиях интегрировал классическую этнографию, лингвистику, психологию, семиотику, а также идеи кибернетики и общей теории систем, стремясь создать собственную теорию коммуникации и универсальную теорию коллектива (Ершова 2018, 2019: 333–360). О широте его интересов говорят и воспоминания коллег, знавших ученого в 1940–1960-е годы – А.М. Плунгяна, Вяч.Вс. Иванова и др. (Плунгян 2019; Ершова 2019: 748–761). В то же время, как отмечал Вяч.Вс. Иванов, “многое из того, что им было продумано и сделано, нам известно в устной форме, никак не закреплено” (цит. по: Ершова 2019: 753).

Однако изначально научные подходы Кнорозова получили оформление в рамках этнографической науки. А.М. Плунгян, опираясь на свои студенческие воспоминания, писал, что Кнорозов уже во время учебы “определил проблематику своих дальнейших исследований в области теории коммуникации, сигнализации и управления в первобытном коллективе”, и подчеркивал его внимание к шаманизму и шаманским практикам (Плунгян 2019: 67). В этой связи представляется интересным попытаться посмотреть на Ю.В. Кнорозова как этнографа в контексте развития советской этнографической науки середины – второй половины XX в.

“Среднеазиатский период”: кафедра этнографии МГУ и Музей этнографии народов СССР (1946–1953)

Документы, связанные с обучением Ю.В. Кнорозова в МГУ, демонстрируют крайне широкую палитру этнографических курсов, освоенных им в студенческие годы. Помимо общих курсов “История первобытного общества” (Д.Г. Редер) и “Этнография” (С.П. Толстов), это “История первобытного хозяйства” (Н.Н. Чебоксаров), “Этнография народов СССР” (С.А. Токарев), “История материальной культуры” и “Антропология” (Н.Н. Чебоксаров), “Фольклор” и “Эпос восточных славян” (В.И. Чичеров), “Этнография Востока” (С.П. Толстов), а также кафедральные спецкурсы “История культуры Хорезма” (С.П. Толстов), узбекский язык (Шарилов). Особенно следует выделить спецсеминар “Анимизм и шаманство у казахов” (С.П. Толстов) (Тугорский и др. 2022: 130–136).

В 1946 и 1947 гг. Кнорозов работал в составе 2-го (Североузбекского) этнографического отряда экспедиции под руководством К.Л. Задыхиной

(1907–1969) (Ершова 2019; Жданко 1997: 16–20). Именно в ходе этой работы были собраны полевые материалы об архаических элементах в местном фольклоре и шаманских практиках, ставшие основой дипломной работы “Мазар Шамун-Наби (среднеазиатская версия легенды о Самсоне)”, защищенной в апреле 1948 г. В.А. Жданко отмечает: «Он разыскал нескольких шаманов (порхан) и, сумев войти к ним в доверие, сделал ценные записи о местных формах камлания – *ойна* (букв, “игра”), или *зикр*» (Жданко 1997: 20).

В № 2 журнала “Советская этнография” за 1949 г. выходит статья, написанная на основе дипломной работы Кнорозова “Мазар Шамун-наби (Некоторые пережитки домусульманских верований у народов Хорезмского оазиса)” (Кнорозов 1949). Обстоятельства ее появления сам автор передавал иронически: С.П. Толстов “буквально выцарапал... текст дипломной работы, утащил и затолкал в журнал” (цит. по: Ершова 2019: 158). В статье впервые проявляется один из важнейших элементов кнорозовской методики: он настаивает на “интерпретации легенды об одном из таких святых... с учетом всего комплекса данных по его культу, так как представляется методологически неправильным интерпретировать один из элементов памятника духовной культуры, игнорируя остальные и тем самым отрываясь от конкретной обстановки” (Кнорозов 1949: 86). Анализ легенды о местнопочитаемом святом Шамун-наби позволил Кнорозову выявить в ней как библейские (легенда о Самсоне), так и домусульманские зороастрийские мотивы (миф о первопредке Гайомарде) и сделать вывод: наиболее устойчивыми оказались “культы божеств-покровителей ирригации, плодородия, скотоводства, что в значительной степени объясняется той ролью в хозяйственной и бытовой жизни, которую им приписывало население” (Там же: 95). Второй аспект, интересующий Кнорозова, – это анимистические обряды и шаманство. Их распространение в Хорезме он связывает с миграцией тюркских племен, культовые практики которых характеризовались наличием родовых святилищ и культом мертвых (Там же: 96). В кратком описании суфийского зикра, данном Кнорозовым, подчеркивается введение зрителей в экстаз под удары бубна (Там же: 88–89).

Вторая часть статьи посвящена анализу обрядов, проводимых шаманами (порханами). В этих практиках Кнорозов обнаруживает сильный архаический компонент, отмечая “ряд архаических черт, в частности были распространены травестированные порханы, одевающие во время сеанса женскую одежду” (Там же: 96), а также имитация животных.

Впоследствии статья Кнорозова неоднократно цитировалась специалистами по традиционным верованиям Хорезма и Средней Азии (см., напр.: Снесарев 1969) и исследователями суфизма. Г.П. Снесарев характеризовал ее как “небольшую, но исключительно богатую по содержанию статью... которая впоследствии неизменно цитировалась всеми авторами, интересующимися среднеазиатской агиологией” (Снесарев 1983: 8).

Прослеживаемые в статье методы изучения культурных явлений через призму сохранения в них архаических элементов находят явные параллели в работах С.П. Толстова. В очерке “Путь корибантов” С.П. Толстов предлагает искать в восточных обществах “такие явления, как связанные с восточной общиной формы семейно-брачных отношений, как вопрос о пережитках родовой организации, матриархата и связанных с ним архаических общественных институтов родового общества” (Толстов 1948: 282). В таком подходе автор очерка видит своего рода альтернативу классическому востоковедению: “...наши историки древнего мира, за редкими исключениями, ни на шаг не продвинулись по этому пути по сравнению с тем, что уже было сделано больше полувека назад...” (Там же: 281).

Особый раздел “Пути корибантов” посвящен народным движениям в Средней Азии и на Ближнем Востоке V–XI вв. (Там же: 331–337). Анализ движений Маздака, Муканны, Хурразада и карматов приводит С.П. Толстова к выводу, что это была борьба за сохранение первобытнообщинного уклада и что особую роль в этой борьбе играли тайные организации: “...общей организационной формой руководства движениями является широко разветвленная тайная организация с инициациями, рядом ступеней посвящения и строжайшей централизацией и дисциплиной” (Там же: 337). Однако возникновение этих тайных организаций С.П. Толстов не связывает с синхронной социально-экономической ситуацией, он выводит их из первобытных тайных союзов, которые продолжали существовать внутри восточных рабовладельческих государств и вновь оказались актуальными в условиях сопротивления феодальным порядкам.

О том интересе, который проявлял студент Юрий Кнорозов к закрытым сообществам типа мужских союзов как историческому феномену говорят практически все хорошо знавшие его в 1940–1960-е годы знакомые и коллеги – А.М. Плунгян, А.М. Пятигорский, Вяч. Вс. Иванов и др. (Плунгян 2019; Еришова 2019: 776).

Кнорозов приходит в Государственный музей этнографии народов СССР в Отдел народов Средней Азии 1 января 1949 г. Сам Юрий Валентинович позднее шутил, что его деятельность сводилось к тому, что он “вытряхивал среднеазиатские ковры” (Еришова 2019: 731). Однако, как отмечает Е.А. Долгова, наряду с работой над тематической экспозицией “Ковровые изделия народов Средней Азии”, в 1949 г. ему была поручена научно-исследовательская тема “Шаманство у казахов в XIX в.”. В 1949 г., в мае, на научной сессии музея он сделал доклад “Пережитки до-мусульманских верований у народов Хорезмского оазиса”, осенью планировалась экспедиция в Южно-Казахстанскую область (она не состоялась в связи с отсутствием финансирования), а в конце года на отчетной сессии Института этнографии АН СССР Кнорозов выступил с докладом “Шаманство у казахов в XIX в.” (Долгова 2019: 96–97). В 1949 г. Кнорозов в последний раз участвовал в работах Хорезмской экспедиции, в ходе которой собирал материалы по верованиям народов Нижней Амударьи (Долгова 2019: 96–97). Возможно, тогда он входил в состав каракалпакского этнографического отряда, о чем сообщается в его автобиографиях (Долгова 2022: 804).

О том, что исследователь в это время работал не только над среднеазиатскими сюжетами и материалами по письменности майя, но и над более общими вопросами этнографии, связанными с теоретическими проблемами первобытности, свидетельствует письмо С.А. Токарева от 18 декабря 1949 г., в котором он комментирует идеи своего ученика о возникновении экзогамии:

Толстов сказал, что вы в основном правы, но ошибаетесь в чисто биологической стороне вопроса, например у обезьян уже нет периода течки, тогда как у рогатого скота есть. По его словам, дело тут “в том, что развитие материального производства потребовало большей организованности, чему противоречили беспорядочные половые связи” (АМАЭ: Л. 91).

Гипотеза явно понравилась С.А. Токареву, поскольку он пишет: “Вообще говоря, будет хорошо, если на эту тему вы дадите в журнал статью” (Там же). Эту же работу С.А. Токарев упоминает в своем письме в Президиум АН СССР от 12 декабря 1950 г.: “У Ю.В. Кнорозова имеются также работы, законченные или незаконченные... по общим проблемам истории первобытнообщинного строя (напр. о происхождении экзогамии)” (цит. по: Еришова 2019: 218).

Тема экзогамии была одной из наиболее обсуждаемых в советской этнографии уже в 1930-е годы (Золотарев 1931; Толстов 1931) и вновь актуализировалась во второй половине 1940-х годов. Она была затронута и в дискуссии о проблемах экзогамии на заседании группы общей этнографии Института

этнографии 8 апреля 1947 г., где обсуждался доклад М.О. Косвена, по итогам которого выступили такие ключевые фигуры советской этнографии того времени, как Ю.М. Лихтенберг, Б.О. Долгих, П.И. Кушнер, С.П. Толстов, В.В. Бунак, М.Г. Левин, Н.А. Бутинов и др. (*Золотаревская* 1947). К сожалению, оригинал письма Кнорозова не сохранился, а в его опубликованных работах следов гипотезы о возникновении экзогамии не прослеживается, но, по-видимому, в целом она разрабатывалась в русле идей С.П. Толстова.

С 1950 г. Кнорозов сосредотачивается на изучении коллекций и организации архива музея (*Долгова* 2019). Параллельно с этим он все больше погружается в освоение темы древней Америки, что снижает активность его работы со среднеазиатскими материалами. Тем не менее он принимает участие в Туркменской экспедиции музея летом 1951 г. и вновь возвращается в Хорезмский оазис, в Куля-Ургенчский район Ташаузской области, где проживали туркмены племени йомуд. Однако его работа была больше ориентирована на вопросы материальной культуры (из экспедиции он привез коллекцию из 22 предметов) и современный быт туркменских колхозников. Новых материалов о шаманизме у туркмен он не собрал, и эта тема никак не всплывает в его биографии (*Коллекции* 2022).

Этнография и американистика: концепция дуально-родовой организации у древних майя

Внимание Кнорозова к древним американским культурам и проблеме дешифровки письменности древних майя было связано с его общими интересами в области теории коммуникации и проявилось еще в студенческие годы. Р.В. Кинжалов в своих воспоминаниях утверждает, что первое письмо от Кнорозова с упоминанием майя он получил еще в 1941 г. Кнорозов тогда учился в Харьковском университете и прочел в газете о том, что работа Р.В. Кинжалова “Очерк истории древних майя” получила первую премию на конкурсе молодых историков исторического факультета МГУ (*Кинжалов* 2012: 212). А.М. Плунгян вспоминает, что впервые услышал о Кнорозове в начале 1946 г. как о студенте-этнографе, который занимается письменностью майя (*Плунгян* 2019: 60). Согласно наиболее распространенной версии, С.А. Токарев передал своему ученику статью П. Шелльхаса “Дешифровка иероглифов майя: неразрешимая проблема?” в 1947 г.

В то же время письмо С.А. Токарева от 16 июля 1948 г. свидетельствует о том, что для него (как и для С.П. Толстова) было неожиданностью решение Кнорозова заниматься в аспирантуре американистикой: “Сергей Павлович очень удивился, и был против... вопрос о специализации по Хорезму считает давно решенным – независимо от того будете ли вы в аспирантуре нашего института или МГУ. Я тоже удивляюсь, почему это вам снова взбрело в голову Америка” (АМАЭ: Л. 79). Очевидно, такие мысли Кнорозов уже высказывал, но его учителя решили, что смогли его отговорить. Однако уже через полтора месяца в заявлении в Приемную комиссию аспирантуры МГУ, датированном 8 сентября 1948 г., где С.А. Токарев ставит вопрос о пересмотре решения не допустить Кнорозова к приемным экзаменам, он встает на сторону своего ученика:

Тов. Кнорозов проявил себя как чрезвычайно способный молодой исследователь в области чрезвычайно редкой специальности: этнографии народов Центральной Америки... и специализируется по изучению нерасшифрованной до сих пор древней письменности майя. Кафедра этнографии признала необходимым обеспечить тов. Кнорозову возможность серьезной научной подготовки для работы по данной специальности (АМАЭ: Л. 82).

Судя по всему, работая в Музее этнографии народов СССР, Кнорозов обсуждал в переписке с С.А. Токаревым не только ход работы над дешифровкой (*Ершова* 2019: 184, 212), но и прочие свои идеи. В ходе этого обсуждения, по-видимому, была высказана гипотеза о связи календаря и социальной организации у древних майя. В своем ответном письме от 18 декабря 1949 г. С.А. Токарев дает развернутый комментарий:

Еще один вопрос, – связанный с первым, – это циклическое летоисчисление и связь его с родо-фратриальной структурой. Эта ваша мысль мне чрезвычайно интересна, – но она требует серьезной проверки. В самом деле, исходя из Вашей мысли, следовало бы прежде всего искать у разных народов двухлетнего цикла – сообразно древнейшему числу универсальных фратрий, – но такого цикла как будто бы нигде нет... Впрочем, я не хочу особо спорить, ибо мысль мне нравится, – а только проверьте ее получше (АМАЭ: Л. 82).

В письме в Президиум АН СССР от 12 декабря 1950 г. С.А. Токарев говорит о гипотезе Кнорозова как об одном из его важнейших достижений: “Работая над изучением систем летосчисления разных народов, Ю.В. Кнорозов пришел к интересным выводам о происхождении своеобразного циклического счисления годов (напр. известный 12-летний цикл у тюркских и других народов)” (цит. по: *Ершова* 2019: 211).

Гипотеза Кнорозова о связи циклического летосчисления и родо-фратриального деления в развернутом виде впервые появляется в его кандидатской диссертации. В стенограмме защиты она изложена следующим образом: древнейшим циклом был 4-летний, в соответствии с которым четыре бога сменяли друг друга, правя в течение года. Эти представления отражают смену власти по родам. Появление циклов большего порядка связано с удлинением сроков правления. “Таким образом, циклическое летоисчисление возникает как естественный результат смены правления по родам, а количество лет в цикле определяется не прихотью жрецов, а количеством родов в племени (или во фратрии, если должности дублируются)” (цит. по: *Ершова, Долгова* 2018: 37).

Таким образом, реконструкция Кнорозовым архаической социальной организации майя выглядит следующим образом: 4 рода, вероятно, разделенные на 2 фратрии. Эта реконструкция прекрасно укладывается в общую схему дуально-родовой организации, столь важную для теоретических взглядов С.П. Толстова (*Толстов* 1948: 281–337) и активно обсуждавшуюся советскими этнографами в это время (*Толстов* 1951).

Соответственно, в распоряжении этнографов, исследующих первобытное общество, оказывается новый метод: изучив циклические календарные системы, можно сделать вывод о ранних формах социальной организации. В этом контексте исследователь предполагает, что популярный в Центральной Азии 12-летний цикл восходит к гуннскому племенному союзу, который был разделен на 24 “племени”. Эти племена Кнорозов интерпретирует как разросшиеся роды, объединенные в две фратрии (*Кнорозов* 1955: 73).

Примечательно, что из приводимых примеров были убраны античные, которые С.А. Токарев прокомментировал в процитированном выше письме от 18 декабря 1949 г., отметив, что “четыре племени” у греков (ахейцы, эолийцы, ионийцы и дорийцы) могут быть случайными, а число фил у разных групп было различным (напр., дорийских было 3) (АМАЭ: Л. 82).

Во второй половине 1950-х годов при подготовке фундаментальной монографии “Письменность индейцев майя” Кнорозов развивает свою концепцию и предлагает объяснение возникновения у майя 20-летних циклов (ст.-юк. *к'атун*). По его мнению, “племя, организация которого послужила образцом, состояло из 20 родов, объединенных в четыре группы (по две во фратрии)” (*Кнорозов*

1963: 12); 4-летний цикл объясняется теперь не древнейшим объединением из 4 родов, а тем, что у власти ежегодно менялись представители четырех групп родов. В дальнейшем, при формировании государственности, когда побеждает один из родов, его вожди узурпируют власть и претендуют на продление правления. Двадцатилетия делятся на 4 подпериода (по 5 лет), в конце каждого из которых устанавливались стелы (Там же: 12–13).

От кибернетики к этнической семиотике (1960–1970-е годы)

В начале 1960-х годов в научном творчестве Кнорозова наблюдается падение интереса к традиционным вопросам советской этнографической науки. По всей вероятности, монография “Письменность индейцев майя” была готова уже к 1957 г., так как положительный отзыв академика В.В. Струве датируется декабрем этого года (Ершова 2019: 294–296), однако выйдет она лишь в 1963 г. Очевидно, задержка с публикацией вызывала у Юрия Валентиновича серьезный стресс, поскольку в январе 1958 г. С.А. Токарев обращается к его супруге В.М. Самковой и пишет, что Кнорозова надо беречь, поскольку он – золотой фонд советской науки (АМАЭ: Л. 90).

Параллельно Кнорозов с головой погружается в дешифровку письменности о-ва Пасхи, где совместно с Н.А. Бутиновым достигает больших успехов (Бутинов, Кнорозов 1956; и др.). Примечательно, что для зарубежных коллег результаты этой работы были даже более убедительны, чем работы по майя. М. Ко в рецензии на издание русского перевода “Сообщения о делах в Юкатане”, рассуждая о состоянии дешифровки майяской иероглифики, выражает надежду, что в ближайшее время она будет настолько же успешна, как и случай с кохау ронгоронго (Coe S.D., Coe M.D. 1957: 208).

В 1958 г. Кнорозов подключается к обсуждению предложенной Д.Д. Тумаркиным идеи об организации полинезийской экспедиции на судне “Витязь”, планируемой на 1959 г. Н.А. Бутинов считал, что работа должна сосредоточиться в этнографической сфере (язык, письменность и современная культура жителей острова) (Игнатьев 2021: 121). Иная точка зрения была у Кнорозова: в записке, поданной в апреле 1958 г. С.П. Толстову, Юрий Валентинович пишет о масштабной комплексной археолого-этнографической экспедиции (5–6 месяцев работы, 15–20 советских исследователей и 40 местных рабочих, разделенных на три отряда – два археологических и один этнографический) (Ершова 2019: 286–287), а на обсуждении экспедиции осенью 1958 г. он говорит о том, что этнографический отряд при необходимости можно сократить, поскольку “этнографам там делать нечего”, а “изучение письменности – чисто кабинетная работа” (Игнатьев 2021: 121). По-видимому, на это накладывается и раскол тандема Кнорозов–Бутинов, в результате которого Николай Александрович отходит от кнорозовских взглядов на письменность ронгоронго и начинает развивать свои собственные идеи.

Но все-таки основной причиной ослабления внимания к этнографии было появление новой сферы, где Кнорозов мог сосредоточиться на теории коммуникации. Этой сферой стала бурно развивающаяся в СССР кибернетика. В 1959 г. был создан Научный совет по комплексной проблеме “Кибернетика” при Президиуме АН СССР под руководством академика А.И. Берга. По инициативе Вяч.Вс. Иванова Кнорозов был включен в состав Лингвистической секции Совета. Уже на первом ее заседании, в котором приняли участие А.А. Реформатский, В.А. Успенский, И.И. Ревзин и другие, было принято решение, что Кнорозов будет руководить работами по дешифровке исторических

письменностей (в связи с использованием в этой области ЭВМ) и по теории письма. В этой связи А.И. Берг обратился в Президиум АН СССР и в дирекцию Института этнографии с предложением о создании группы по дешифровке исторических письменностей (Иванов 1998: 259–261). Обращение академика оказывается весомым аргументом, и в Постановлении Президиума АН СССР № 452 от 6 мая 1960 г. “О развитии структурных и математических методов исследования языка” особо отмечается: “Применение структурных и математических методов особенно важно... для разработки методов дешифровки древних письменностей” (Там же: 265–266). Таким образом, теоретические разработки Кнорозова вышли на новый уровень в системе советской науки.

Однако первая попытка дешифровки с использованием ЭВМ, предпринятая с подачи Вяч.Вс. Иванова в сотрудничестве с Институтом математики Сибирского отделения АН СССР, оказалась неудачной и осталась в истории советской науки как яркий пример “нездоровой сенсации” (Кутателадзе 2006; Еришова 2019: 303–330). После этого начинается сотрудничество Кнорозова с московскими математиками из Всесоюзного института научной и технической информации АН СССР (ВИНИТИ) Ю.А. Шрейдером и позднее М.А. Пробстом. Разрабатываются общие алгоритмы дешифровки, ведется работа с протоиндийской письменностью и обсуждение исследования киданьской письменности. С начала 1960-х годов Юрий Валентинович становится частым гостем на конференциях по проблемам обработки информации и по прикладной лингвистике. В 1964 г. он возглавляет комиссию по дешифровке исторических систем письма секции семиотики Научного совета по комплексной проблеме “Кибернетика” (Долгова, Еришова 2022: 50).

Снижение интереса Кнорозова к тем ключевым темам, которые волновали советскую этнографию, наглядно видно на примере его участия в VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве в 1964 г., который был крайне значимым событием для советской науки (Алымов 2023). Он не принимал участия в “теоретической секции”, посвященной идеям Л.Г. Моргана и проблемам периодизации первобытного общества (Алымов 2022), а выступал в секции № 25 “Центральная и Южная Америка” с узкопрофессиональным докладом “Пантеон древних майя” (Кнорозов 1964; Knorozov 1971).

Возвращение Кнорозова на новом уровне к этнографическим концепциям 1950-х годов происходит в начале 1970-х. Еще в своей диссертации он писал: “Нужно, конечно, всячески подчеркнуть, что смена правления не является единственной причиной возникновения циклического летосчисления и сама должна рассматриваться как элемент целой системы взаимно связанных социальных институтов” (Кнорозов 1955: 73). В новых исследованиях он добавляет к смене власти и календарю схему организации пантеона. Модифицированная концепция эволюции календаря майя первоначально оформляется в серии статей “Заметки о календаре майя”, вышедших в начале 1970-х годов (Кнорозов 1971а, 1971б, 1973а, 1973б).

Календарные циклы уже не объясняются напрямую дуально-родовой организацией. Так, 4-летний цикл не определяется исключительно 4-родовой структурой коллектива, а связывается с 4-летним сроком правления, установленным “II реформой календаря” (Кнорозов 1971б: 35). Однако в статье, посвященной 365-дневному году, автор вновь упоминает идею борьбы за власть между вождями из 4 родов. Более того, он фактически возвращается к мысли С.А. Токарева, высказанной в письме 1949 г., о необходимости найти коррелят с древнейшим двухфратриальным делением, которому, однако, считает Кнорозов, соответствуют не двухлетний цикл, как предполагал С.А. Токарев, а деление года на два сезона (дождливый и сухой) и наличие двух сезонных вождей (Кнорозов

1973а). Введение же 20-летий в качестве основной хронологической единицы (так наз. III реформа календаря) связывается не с 20 родами, а со стремлением правителей сохранить свою власть (Кнорозов 1971б: 36–37).

Развитие социальной организации тоже видится несколько по-иному. Традиционная модель племени состоит из 16 родов, обладающих собственными тотемами и символами и делящихся на 2 фратрии. Вождям фратрий в пантеоне соответствовали правящие поочередно бог дождя и бог солнца, а сменой власти руководила богиня луны, которой соответствовала верховная жрица. В дальнейшем эта модель заменяется новой: племя состоит из 4 равноправных фратрий; боги фратрий сменяют друг друга ежегодно (Кнорозов 1973б).

Гипотеза о связи дуально-фратриального деления общества, календаря и структуры пантеона нашла свое выражение в анализе пантеона божеств в комментариях к переводу иероглифических рукописей (Кнорозов 1975: 253–255). Божества майя делятся Кнорозовым на две фратрии: летнюю (символ – голубой змей) во главе с богом неба Ицамной и зимнюю (символ – красный змей) во главе с богом смерти (Там же: 253). У каждой фратрии был свой загробный мир; фратрии и роды символически связывались с временами года, сторонами света, животными и растениями (Там же: 254). Следующим этапом было установление гегемонии 4 главных родов (подфратрий), которые олицетворяли бога огня, бога солнца, Ицамну и бога смерти; в смене власти важную роль играл старый бог-распорядитель (Там же: 254–255). Последним этапом стал переход к 20-летнему (фактически пожизненному) правлению.

С одной стороны, Кнорозов в своих новых работах возвращается к классической этнографической проблематике и к теме организации догосударственных обществ. Хотя он не ссылается на С.П. Толстова или С.А. Токарева, влияние их идей по-прежнему можно проследить в общей логике научного анализа, во внимании к дуальному делению и к базовому постулату об отражении следов племенной организации в различных сферах культуры и общества майя в более поздние эпохи. С другой стороны, теперь понимание принципов организации социальных структур усложнилось: учитываются природно-хозяйственные, астрономические и собственно календарно-математические факторы.

В конце 1970-х годов Ю.В. Кнорозов формулирует свою собственную теорию *этнической семиотики*. В последние годы она стала объектом специальных исследований (Ершова 2019: 361–383; Долгова, Ершова 2022), поэтому нет нужды в ее детальном описании. Важным кажется попытаться понять, почему возникла необходимость в формулировке новой теоретической концепции и насколько она соотносится с теоретическими положениями советской этнографии того времени.

По-видимому, обозначение группы Кнорозова как группы по дешифровке исторических систем письма перестает отвечать как научным интересам ее руководителя, так и ее месту в структуре советской науки. Помимо этого, было необходимо конституировать новый статус Кнорозова после присуждения ему Ленинской премии в 1977 г. В докладной записке об организации группы этнической семиотики указывается, что работа ведется по двум основным направлениям: общая теория коллектива (сам Кнорозов и Н.М. Гиренко) и “теория сигнализации и изучение конкретных графических систем” (Долгова, Ершова 2022: 54). Второе направление было крайне широко по региональному охвату (Сибирь и Дальний Восток, Центральная и Восточная Азия, Индия, Мезоамерика, Океания). Использование определения “этнический”, судя по всему, было призвано обезопасить коллектив от обвинений в том, что его члены занимаются не этнографией, а лингвистикой или археологией.

Насколько Кнорозов рассматривал этническую семиотику как альтернативу теории этноса, которая стала центральным элементом советской этнографиче-

ской науки в 1970-е годы, неясно. В разработке и обсуждении этой теории он не принимал никакого участия, в его собственных работах термин “этнос” не используется, ссылок на работы Ю.В. Кнорозова обнаружить не удастся. Само название “теория коллектива” свидетельствует о том, что ее автор имел собственное видение теоретических проблем этнографии. Однако, как и ранее в случае с концепцией экзогамии, обобщающей теоретической работы Кнорозова так и не опубликовал.

Источники и материалы

АМАЭ – Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера). Ф. 40. Оп. 1. Д. 86.

Коллекции 2022 – Коллекции Ю.В. Кнорозова в Российском этнографическом музее. К 100-летию со дня рождения // Российский этнографический музей. Коллекции онлайн. <https://collection.ethnomuseum.ru/entity/ALBUM/1735663>

Об увековечении 2022 – Указ Президента Российской Федерации от 01.07.2022 № 419 “Об увековечении памяти Ю.В. Кнорозова и праздновании 100-летия со дня его рождения” // Официальный интернет-портал правовой информации. 01.07.2022. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207010035>

Научная литература

Алымов С.С. Советская этнография под “западным взглядом”: микроистория симпозиума “Учение Л.Г. Моргана о периодизации первобытного общества в свете современной этнографии” на VII МКАЭН в Москве в 1964 г. // За синей птицей (антропология академической жизни). Памяти Г.А. Комаровой / Под ред. Э.-Б. Гучиновой, В.А. Шнирельмана. М.: ИЭА РАН, 2022. С. 98–119.

Алымов С.С. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук в Москве (1964) и трансформация советской этнографии в эпоху оттепели // Сибирские исторические исследования. 2023. № 1. С. 96–127. <https://doi.org/10.17223/2312461X/39/5>

Бутинов Н.А., Кнорозов Ю.В. Предварительное сообщение об изучении письменности острова Пасхи // Советская этнография. 1956. № 4. С. 77–91.

Долгова Е.А. Научный сотрудник Ю.В. Кнорозов в Государственном музее этнографии народов СССР // IX Кнорозовские чтения: Древние цивилизации Старого и Нового Света / Отв. ред. Г.Г. Ершова. М.: РГГУ, 2019. С. 93–102.

Долгова Е.А. Автобиография Ю.В. Кнорозова: эволюция документа в личном деле исследователя // Вестник архивиста. 2022. № 3. С. 796–809. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2022-3-796-809>

Долгова Е.А., Ершова Г.Г. “Особое внимание уделяется забытым системам письма...”. Докладная записка Ю.В. Кнорозова об организации группы этнической семиотики в Институте этнографии АН СССР. 1979 г. // Исторический архив. 2022. № 4. С. 50–56.

Ершова Г.Г. Теоретическое наследие Ю.В. Кнорозова: к 70-летию первой научной публикации // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77. № 6. С. 60–68. <https://doi.org/10.31857/S241377150003063-2>

Ершова Г.Г. Последний гений XX века: Юрий Кнорозов: судьба ученого. М.: РГГУ, 2019.

Ершова Г.Г., Долгова Е.А. “Вот все, что я могу сказать о предлагаемой работе”: диссертационный диспут Ю.В. Кнорозова. 1955 г. // Исторический архив. 2018. № 5. С. 29–53.

- Жданко Т.А. Этнографические исследования и этнографы Хорезмской экспедиции // Этнографическое обозрение. 1997. № 2. С. 15–33.
- Золотарев А.М. Происхождение экзогамии // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1931. Т. 10. Вып. 2/4.
- Золотаревская И. Дискуссия о проблеме экзогамии // Советская этнография. 1947. № 3. С. 151–154.
- Иванов Вяч.Вс. Академик А.И. Берг и развитие работ по структурной лингвистике и семиотике в СССР // Очерки истории информатики в России / Ред.-сост. Д.А. Поспелов, Я.И. Фет. Новосибирск: Научно-издательский центр ОИГТМ СО РАН, 1998. С. 257–273.
- Игнатъев Р.Н. А.В. Ефимов и советская “этноамериканистика”: оттепель и заморозки // Сибирские исторические исследования. 2021. № 1. С. 88–137. <https://doi.org/10.17223/2312461X/31/6>
- Кинжалов Р.В. Из прошлого. СПб.: Свято-Алексиевская Пустынь, 2012.
- Кнорозов Ю.В. Мазар Шамун-наби (Некоторые пережитки домусульманских верований у народов Хорезмского оазиса) // Советская этнография. 1949. № 2. С. 86–97.
- Кнорозов Ю.В. “Сообщение о делах в Юкатане”: Диэго де Ланда как историко-этнографический источник // Диэго де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане, 1566 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 3–96.
- Кнорозов Ю.В. Письменность индейцев майя. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Кнорозов Ю.В. Пантеон древних майя. М.: Наука, 1964.
- Кнорозов Ю.В. Заметки о календаре майя: общий обзор I // Советская этнография. 1971а. № 2. С. 77–86.
- Кнорозов Ю.В. Заметки о календаре майя: общий обзор II // Советская этнография. 1971б. № 3. С. 33–39.
- Кнорозов Ю.В. Заметки о календаре майя: 365-дневный год // Советская этнография. 1973а. № 1. С. 70–80.
- Кнорозов Ю.В. Заметки о календаре майя: Монумент Е в Трес-Сапотес // Латинская Америка. 1973б. № 6. С. 81–90.
- Кнорозов Ю.В. Иероглифические рукописи майя. Л.: Наука, 1975.
- Кнорозов Ю.В. Избранные труды. СПб.: МАЭ РАН, 2018.
- Кнорозов Ю.В. Избранные труды / Сост. и отв. ред. М.Ф. Альбедиль. СПб.: МАЭ РАН, 2022.
- Ко М. Разгадка кода майя: как ученые расшифровали письменность древней цивилизации. М.: Бомбора, 2021.
- Корсун С.А. Превратности судьбы Ю.В. Кнорозова // Латинская Америка. 2019. № 1. С. 79–87. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0003510-0>
- Кутателадзе С.С. Леонид Канторович, Юрий Кнорозов и машинная дешифровка письма майя // Информационный бюллетень ассоциации “История и компьютер”. 2006. № 33. С. 210–219.
- Плунгян А.М. Заметки к биографии Юрия Валентиновича Кнорозова // IX Кнорозовские чтения: Древние цивилизации Старого и Нового Света / Отв. ред. Г.Г. Ершова. М.: РГГУ, 2019. С. 54–68.
- Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969.
- Снесарев Г.П. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М.: Наука, 1983.
- Толстов С.П. Проблемы родового общества // Советская этнография. 1931. № 3–4. С. 69–103.
- Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: Издание МГУ, 1948.

- Толстов С.П. (ред.) Родовое общество. Этнографические материалы и исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
- Тютюрский А.В., Сафронов А.В., Каргина Н.П. Юрий Валентинович Кнорозов – выпускник кафедры этнографии исторического факультета Московского университета // Вестник Московского университета. Серия 8, История. 2022. № 6. С. 122–146. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0083-8-2022-6-122-146>
- Coe S.D., Coe M.D. Review of: Knorozov Y.V. Diego de Landa: Soobshchenie o delakh v Yukatani, 1566 [Relacion de las Cosas de Yucatan] // American Antiquity. 1957. Vol. 23. № 2. P. 207–208.
- Knorozov Y.V. Le pantheon des anciens Maya // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва (3–10 августа 1964 г.): В 11 т. Т. XI. М.: Наука, 1971. С. 126–132.

Research Article

Beliaev, D.D. Yurii Valentinovich Knorozov in the Context of the Soviet Ethnographic Science of the Mid and Late Twentieth Century [Yurii Valentinovich Knorozov v kontekste sovetsskoi etnograficheskoi nauki serediny – vtoroi poloviny XX v.]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 5, pp. 10–24. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050020> EDN: YAZADS ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Dmitri Beliaev | <http://orcid.org/0000-0002-6609-2302> | lakamha@mail.ru | Russian State University for the Humanities (6 Miusskaya sq., 125993, Moscow, GSP-3, Russia) | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia) | National Research University Higher School of Economics (11 Pokrovsky Bulvar, Moscow, 109028, Russia)

Keywords

history of anthropology, Yu. V. Knorozov, Soviet Ethnography, Americanist studies, Maya, ethnographic theory, ethnosemiotics

Abstract

The article is devoted to the analysis of theoretical ideas of Yuri Knorozov (1922–1999) in the context of the development of Soviet ethnology/ethnography. In the late 1940s, Knorozov's ideas were influenced by his peer professors Sergei Tolstov and Sergei Tokarev. It is likely that Knorozov's first theoretical work dedicated to the origins of exogamy was written following Tolstov's ideas. The interest of the young Knorozov in the study of shamanism and secret societies also finds parallels in Tolstov's works. At the same time, Knorozov suggested a new concept of the evolution of the calendar and its connection to the dual organization of the primitive society and its survivals in early class societies. In the 1960s, he paid less attention to ethnology and started his collaboration with linguists and experts in cybernetics, working on the development of the theory of signalization and general scheme of the decipherment. Knorozov returned to the ethnological issues later in the 1970s and turned again to the study of the relation between calendar, religion, and the tribal dual organization among the Ancient Maya. The theory of ethnosemiotics formulated by Knorozov in the late 1970s can be considered as an alternative to the official Soviet theory of ethnos elaborated under the aegis of Yulian Bromley in the same decade.

Funding Information

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant number 23-18-01091]

References

- Alymov, S.S. 2022. Sovetskaia etnografiia pod “zapadnym vzgliadom”: mikroistoriia simpoziuma “Uchenie L.G. Morgana o periodizatsii pervobytnogo obshchestva v svete sovremennoi etnografii” na VII MKAEN v Moskve v 1964 g. [Soviet Ethnography Under “Western Scrutiny”: Microhistory of the Symposium “L.G. Morgan’s Theory on the Periodization of the Primitive Society in Light of the Contemporary Ethnography” during the VII IUAES in Moscow in 1964]. In *Za sinei pitsei (antropologiiia akademicheskoi zhizni). Pamiati G.A. Komarovo* [Following the Blue Bird (the Anthropology of the Academic Live): In Memory of G.A. Komarova], edited by E.-B. Guchinova and V.A. Shnirel’man, 98–119. Moscow: IEA RAN.
- Alymov, S.S. 2023. VII Mezhdunarodnyi kongress antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk v Moskve (1964) i transformatsiia sovetskoi etnografii v epokhu ottepeli [The VII International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences and the Transformation of Soviet Ethnography during the Thaw]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 1: 96–127.
- Butinov, N.A., and Y.V. Knorozov. 1956. Predvaritel’noe soobshchenie ob izuchenii pis’mennosti ostrova Paskhi [Preliminary Report on the Research of the Easter Island Writing]. *Sovetskaia etnografiia* 4: 77–91.
- Coe, M. 2021. *Razgadka koda maiia: kak uchenye rasshifrovali pis’mennost’ drevnei tsivilizatsii* [Breaking the Maya Code: How the Scientists Deciphered the Writing of the Ancient Civilization]. Moscow: Bombora.
- Coe, S.D., and M.D. Coe. 1955. Review of *Diego de Landa: Soobshchenie o delakh v Yukatani, 1566* [Relacion de las Cosas de Yucatan], by Y.V. Knorosov. *American Antiquity* 23 (2): 207–208.
- Dolgova, E.A. 2019. Nauchnyi sotrudnik Y.V. Knorozov v Gosudarstvennom muzee etnografii narodov SSSR [The Research Fellow Y.V. Knorozov in the State Museum of the Ethnography of the Peoples of USSR]. In *IX Knorozovskie chteniia: Drevnie tsivilizatsii Starogo i Novogo Sveta* [IXth Knorozov Readings: Ancient Civilizations of the Old and New World], edited by G.G. Ershova, 93–102. Moscow: RGGU.
- Dolgova, E.A. 2022. Avtobiografiia Y.V. Knorozova: evoliutsiia dokumenta v lichnom dele issledovatel’ia [Autobiography of Y.V. Knorozov: Evolution of the Document in the Personal Dossier of the Scholar]. *Vestnik arkhivista* 3: 796–809.
- Dolgova, E.A., and G.G. Ershova. 2022. “Osoboe vnimanie udeliaetsia zabytym sistemam pis’m...” [Special Attention Is Paid to the Forgotten Scripts...]: Y.V. Knorozov’s Memorandum on the Organization of the Group of Ethnic Semiotics. *Istoricheskii arkhiv* 4: 50–56.
- Ershova, G.G. 2018. Teoreticheskoe nasledie Y.V. Knorozova: k 70-letiiu pervoi nauchnoi publikatsii [Theoretical Heritage of Y.V. Knorozov: On the 70th Anniversary of the First Research Publication]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriia literatury i yazyka* 77 (6): 60–68.
- Ershova, G.G. 2019. Poslednii genii XX veka: Yurii Knorozov: sud’ba uchenogo [The Last Genius of the 20th Century: Yuri Knorozov: The Destiny of the Scholar]. Moscow: RGGU.
- Ershova, G.G., and E.A. Dolgova. 2018. “Vot vse, chto ya mogu skazat’ o predлагаемой rabote”: Dissertatsionnyi disput Y.V. Knorozova. 1955 g [“That’s All That I Can Tell About the Presented Work”: Dissertation Dispute of Y.V. Knorozov, 1955]. *Istoricheskii arkhiv* 5: 29–53.
- Ignatiev, R.N. 2021. *A.V. Efimov i sovetskaia “etnoamerikanistika”: ottepel’ i zamorozki* [Alexei Vladimirovich Efimov and Soviet “Ethnoamerikanistika”: The

- Thaw and Cold Times]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 1: 88–137. <https://doi.org/10.17223/2312461X/31/6>
- Ivanov, V.V. 1998. Akademik A.I. Berg i razvitie rabot po strukturnoi lingvistike i semiotike v SSSR [The Academician A.I. Berg and the Development of the Works on Structural Linguistics and Semiotics in the USSR]. In *Ocherki istorii informatiki v Rossii* [Essays on the History of the Informatics in Russia], edited by D.A. Pospelov and Y.I. Fet, 257–273. Novosibirsk: Nauchno-izdatel'skii tsentr OIGGM SO RAN.
- Kinzhalov, R.V. 2012. *Iz proshlogo* [From the Past]. St. Petersburg: Sviato-Aleksievskaia Pustyn'.
- Knorozov, Y.V. 1949. Mazar Shamun-nabi (Nekotorye perezhitki domusul'manskikh verovanii u narodov Khorezmskogo oazisa) [Mazar Shamun-nabi (Some Remnants of Pre-Muslim Beliefs Among the Peoples of the Khwarazm Oasis)]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 86–97.
- Knorozov, Y.V. 1955. “Soobshchenie o delakh v Yukatane”: Diego de Landa kak istoriko-etnograficheskii istochnik [Diego de Landa's Relacion de las Cosas de Yucatan as a Historic and Ethnographic Source]. In *Diego de Landa. Soobshchenie o delakh v Yukatane, 1566 g.* [Diego de Landa. Relacion de las Cosas de Yucatan, 1566], 3–96. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Knorozov, Y.V. 1963. *Pis'mennost' indeitsev maiia* [The Writing of the Maya Indians]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Knorozov, Y.V. 1964. *Panteon drevnikh maiia* [Pantheon of Ancient Maya]. Moscow: Nauka.
- Knorozov, Y.V. 1971. Zametki o kalendare maiia: obshchii obzor, I [Notes on Maya Calendar: An Overview, I]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 77–86.
- Knorozov, Y.V. 1971. Zametki o kalendare maiia: obshchii obzor, II [Notes on Maya Calendar: An Overview, II]. *Sovetskaia etnografiia* 3: 33–39.
- Knorozov, Y.V. 1971. Le pantheon des anciens Maya [The Pantheon of the Ancient Maya]. In *VII Mezhdunarodnyi kongress antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk. Moskva (3–10 avgusta 1964 g.): V II t.* [The 7th International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences, Moscow, August 3–10, 1964], XI: 126–132. Moscow: Nauka.
- Knorozov, Y.V. 1973. Zametki o kalendare maiia: 365-dnevnyi god [Notes on Maya Calendar: 365-Day Year]. *Latinskaia Amerika* 1: 70–80.
- Knorozov, Y.V. 1973. Zametki o kalendare maiia: Monument E v Tres-Sapotes [Notes on Maya Calendar: Tres Zapotes Monument E]. *Latinskaia Amerika* 6: 81–90.
- Knorozov, Y.V. 1975. Ieroglificheskie rukopisi maiia [Maya Hieroglyphic Manuscripts]. Leningrad: Nauka.
- Knorozov, Y.V. 2018. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. St. Petersburg: MAE RAN.
- Knorozov, Y.V. 2022. *Izbrannye trudy* [Selected Works], edited by M.F. Albedil. St. Petersburg: MAE RAN.
- Korsun, S.A. 2019. Prevratnosti sud'by Y.V. Knorozova [Vicissitudes of Fate of Yuri V. Knorozov]. *Latinskaia Amerika* 1: 79–87.
- Kutateladze, S.S. 2006. Leonid Kantorovich, Yurii Knorozov i mashinnaia deshifrovka pis'ma maiia [Leonid Kantorovich, Yurii Knorozov and the Machine Decipherment of the Maya Script]. *Informatsionnyi biulleten' assotsiatsii “Istoriia i komp'iuter”* 33: 210–219.
- Plungian, A.M. 2019. Zametki k biografii Yurii Valentinovicha Knorozova [Notes on the Biography of Y.V. Knorozov]. In *IX Knorozovskie chteniia: Drevnie tsivilizatsii Starogo i Novogo Sveta* [IXth Knorozov Readings: Ancient Civilizations of the Old and New World], edited by G.G. Ershova, 54–68. Moscow: RGGU.
- Snesarev, G.P. 1969. *Relikty domusul'manskikh verovanii i obriadov u uzbekov*

- Khorezma* [Relicts of the Pre-Muslim Beliefs and Cults Among the Uzbeks of Kwarazm]. Moscow: Nauka.
- Snesarev, G.P. 1983. *Khorezmskie legendy kak istochnik po istorii religioznykh kul'tov Srednei Azii* [Khwarazm Legends as a Source on the History of the Religious Cults of Middle Asia]. Moscow: Nauka.
- Tolstov, S.P. 1931. Problemy dorodovogo obshchestva [Problems of Pre-Kinship Society]. *Sovetskaia etnografiia* 3–4: 69–103.
- Tolstov, S.P. 1948. *Drevnii Khorezm. Opyt istoriko-arkheologicheskogo issledovaniia* [The Ancient Khwarazm: An Attempt of the Historic and Archaeological Study]. Moscow: Izdanie MGU.
- Tolstov, S.P., ed. 1951. *Rodovoe obshchestvo. Etnograficheskie materialy i issledovaniia* [The Kinship Society: Ethnographic Materials and Studies]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Tutorskii, A.V., A.V. Safronov, and N.P. Kargina. 2022. Yurii Valentinovich Knorozov – vypuschnik kafedry etnografii istoricheskogo fakul'teta Moskovskogo universiteta [Yuri Valentinovich Knorozov, A Graduate Student of the Department of Ethnography of the Faculty of History of The Moscow University]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8, Istoriia* 6: 122–146.
- Zhdanko, T.A. 1997. Etnograficheskie issledovaniia i etnografy Khorezmskoi ekspeditsii [Ethnographic Studies and Ethnographers of the Kwarazm Expedition]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 15–33.
- Zolotarev, A.M. 1931. Proiskhozhdenie ekzogamii [The Origins of the Exogamy]. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* 10 (2/4).
- Zolotarevskai, I. 1947. Diskussiia o probleme ekzogamii [Discussion on the Problem of the Exogamy]. *Sovetskaia etnografiia* 3: 151–154.